

Aleksander Kiklewicz
Olsztyn

Синтаксические процессы в структуре сложного предложения (I)*

Если они служат нам, то есть некто, кому служим мы.

Дени Дидро¹

Если мы проникнем в сущность этой образности, то увидим, что она не нарушается кажущимися нерегулярностями. Потому что эти нерегулярности тоже отражают то, что они должны выразить; но только другим способом.

Людвиг Витгенштейн²

Динамическая лингвистика

Во второй половине XX века, особенно начиная с 70-х годов, в синтаксической науке широкое распространение получило изучение явлений речевой деятельности, а именно — форм речевой реализации языковых (т.е. хранящихся в языковой памяти) моделей, схем, образцов, именуемых *и н в а р и а н т а м и*. Реализационный аспект синтаксических моделей стал предметом нескольких, близких по своему содержанию лингвистических дисциплин: синтаксической дериватологии³, синтаксиса речи⁴, динамической лингвистики.

* Część druga artykułu będzie opublikowana w następnym numerze „Slavi Orientalis”.

¹ Д. Дидро, *Эстетика и литературная критика*, Москва 1980, с. 143.

² Л. Витгенштейн, *Логико-философский трактат*, Москва 2010.

³ Особый вклад в развитие дериватологического направления в лингвистике внесла пермская школа во главе с Л. Н. Мурзиным, см. его работы: *Синтаксическая деривация: анализ производных предложений русского языка*, Пермь 1974; *Логическая и психологическая трактовка синтаксических процессов (русского языкознания конца XVIII — начала XIX века)*, Пермь 1980; *О деривационных механизмах текстообразования*, [в:] Л. Н. Мурзин (ред.), *Теоретические аспекты деривации*, Пермь 1982, с. 20-28; *Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности*, [в:] *Деривация в речевой деятельности*. Ред. Л. Н. Мурзин. Пермь 1990, с. 4-10. Обзор теоретического наследия пермской лингвистической школы см. в работе: Л. М. Алексеева, В. А. Мишланов, В. А. Салимовский, *Динамическая лингвистика Л. Н. Мурзина в современном эпистемическом контексте (по итогам международной научной конференции, посвященной 80-летию профессора Л. Н. Мурзина)*, [в:] «Вестник Пермского университета» 2010, 4, с. 211-218.

⁴ Одной из первых значительных публикаций в этой области была книга Ю. В. Ванникова: *Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи*, Москва 1979.

Так, Б. Норман, сторонник функционального подхода к синтаксису, пишет, что в противопоставление традиционной грамматике, которая по своей природе статична и «содержит перечень языковых законов, правил и единиц», динамическая лингвистика занимается «процессом претворения» языковых моделей в речевые продукты, изучает «механизмы, им управляющие, и условия, ему сопутствующие»⁵.

В русском языкознании накоплен значительный опыт исследования синтаксических процессов речевой деятельности — достаточно указать на работы Н. Шведовой, Г. Акимовой, Ю. Ванникова, В. Химики, В. Мишланова и др. Наиболее полный перечень моделей речевой деятельности на синтаксическом уровне мы находим у Нормана, который выделил девять типов операций, в результате которых обобщенные синтаксические образцы преобразуются в конкретные высказывания: соблюдение, развертывание, расширение, свертывание, смещение, контаминация, обособление, включение и сложение⁶. Так, выделяя среди процессов речевой деятельности *смещение*, Норман пишет, что при этом «слово занимает не свою позицию»⁷. Данное явление реализуется двумя способами: во-первых, может меняться качество функционально-синтаксической позиции слова; во-вторых, смещение сопровождается компрессией синтаксической структуры, ср. (примеры Нормана):

- (1) Все чистят перышки тревожными клювами (Б. Окуджава), вместо: тревожно / в тревоге чистят перышки клювами.
- (2) Малооблачно и сухо ожидается в большинстве дней второй декады (пресса), вместо: Ожидается малооблачная и сухая погода.

Если в первом предложении синтаксема *тревожно* (в *тревоге*) меняет свою приглагольную позицию на присубстантивную, то во втором синтаксеме *малооблачная* и *сухая* — в результате сокращения синтаксемы *погода* — перемещаются из присубстантивной позиции в приглагольную, при этом меняя и свой грамматический статус (принадлежность к части речи). Общим для обоих этих случаев является то, что сам характер синтаксической зависимости, а именно — подчинительный статус занимаемой словоформой позиции, не изменяется.

В данной статье внимание будет обращено на такие процессы речевой деятельности, которые состоят в более радикальной деформации синтаксической структуры — нарушении иерархии членов в подчинительной конструкции. В этом явлении, пожалуй, наиболее полно отражается свойство речевой деятельности, которое Норман определил как аппроксима-

⁵ Б. Ю. Норман, *Грамматика говорящего*, Санкт-Петербург 1994, с. 15.

⁶ *Ibidem*, с. 175 ссл.

⁷ *Ibidem*, с. 183.

тивность: говорящий склонен «округлять» языковые величины, т.е. следовать моделям и нормам языкового поведения с большей или меньшей степенью строгости, регулярности. Сознание говорящего, по мнению Нормана, оперирует «приблизительными единицами», «размытыми категориями», «нечеткими множествами элементов»⁸.

Синтаксис зависимостей versus пропозициональная структура

В основе синтаксической структуры лежит понятие зависимости⁹. Как писал Л. Теньер, классик современной синтаксической науки, синтаксическая связь иерархична, т.е. предполагает направленность от подчиняющего элемента к подчиненному¹⁰. Теньер также писал о параллелизме структурного и семантического планов предложения: синтаксические связи элементов регулярным образом соотносятся с семантическими связями, «объекты структурного плана выражают объекты семантического плана»¹¹. В этом можно видеть воплощение мысли другого французского лингвиста — А. Сеше, который считал, что (формируемое на ранних стадиях онтогенеза языка) синтагматическое отношение «главный член — зависимый член» имеет интеллектуальный (имелось в виду — репрезентативный) характер¹², поскольку в нем находит отражение отношение предметов и явлений окружающего мира:

Две части высказывания предстают перед сознанием как коррелятивные элементы единого класса осмысления [...] непосредственно связанные логическим подчинением. [...] Нужно, чтобы ничто в ситуации, которая мотивирует высказывание, не отвлекало мышления от логического единства, включающего оба члена. А для этого нужно, чтобы различные по смыслу и выполняющие каждый свою логическую роль, они вместе выполняли единую функцию в акте коммуникации. [...] Говорящий схватывает мысль в ее целостности с помощью интеллекта и устанавливает между ее частями подчинительную связь [...].¹³

⁸ Ibidem, с. 16.

⁹ Сочинительная связь, как принято во многих лингвистических работах, относится к сфере расширения базовых синтаксических моделей, т.е. имеет «локальный» характер, определяя не структуру предложения, а структуру отдельных его членов. Ср. мнение В. Н. Перетрухина: «Расширение — такой синтаксический процесс, при котором к данному элементу предложения добавляются, присочиняются другие элементы того же синтаксического статуса. Оно основано на сочинительной связи». См.: В. Н. Перетрухин, *Расширение, распространение и осложнение в простом предложении*, [в:] «Филологические науки» 1979, 4, с. 46.

¹⁰ Л. Теньер, *Основы структурного синтаксиса*, Москва 1988, с. 54.

¹¹ Ibidem.

¹² В отличие от отношения «субъект — предикат», которое, по мнению Сеше, выражает «волеизъявительную связь».

¹³ А. Сеше, *Очерк логической структуры предложения*, Москва 2003, с. 32-33.

Благодаря иерархии членов подчинительных конструкций структура предложения обладает свойством, которое Г. Золотова определила как *изосемичность*. Данная категория представляет собой

характеристику синтаксических единиц по способу организации, обнаруживающему соответствие/несоответствие категориального значения подкласса слов категориальному значению отображаемых внеязыковых явлений¹⁴.

Свойство изосемичности/неизосемичности применяется Золотовой к элементарным синтаксическим единицам, или синтаксемам, но оно оказывается полезным и при описании синтаксических структур. Так, дискретные синтаксические конструкции, которые наиболее адекватно, по принципу аналогии отражают структурную организацию описываемых положений дел, следует признать изосемичными — в отличие от синтаксических конструкций, в которых референтная ситуация представляется в компрессированном или деформированном виде¹⁵. Сравним предложения:

- (3) Любая (если не каждая) женщина мечтает о том, чтобы рядом с ней был сильный мужчина, на которого можно положиться (А. Лебедев).
- (4) Любая женщина мечтает о сильном мужчине, на которого можно положиться.

Первое предложение можно квалифицировать как изосемичное, поскольку базовая семантическая (пропозициональная) структура $P(x, q)$ получает адекватное выражение: ядерный предикат выражается личной формой глагола, первый (предметный аргумент) — именной группой *любая женщина*, а второй (пропозициональный) аргумент — придаточным предложением. Во втором предложении изосемичная синтаксическая структура оказалась подвергнутой трансформации, а именно — сокращению, в результате которого пропозициональный аргумент представлен только именной группой *о сильном мужчине, на которого можно положиться*. В результате синтаксической компрессии часть смысла оказалась закодированной в форме предложения, а значит — требует включения дополнительных механизмов переработки информации, в частности — так называемой *инференции*¹⁶.

¹⁴ Г. А. Золотова, *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*, Москва 1988, с. 430.

¹⁵ Ю. А. Левицкий пишет, что «все развитие языка можно представить как движение в сторону все большей детализации изображения действительности — развитие системы слов и способов соединения их в предложение, спецификацию средств выражения значений и отношений». См.: Ю. А. Левицкий, *От высказывания — к предложению, от предложения — к высказыванию*, Пермь 1995, с. 179.

¹⁶ Иными словами, речь идет о апперцептивной базе, т.е. фонде ситуативных, окказиональных или общих, культурных знаний речевых субъектов.

Изосемичность предложения, как видим, во многом напоминает другое его свойство, именуемое иконичностью. В соответствии с традицией, заложенной Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате», предложение считается иконическим знаком (в отличие, например, от слова как от символического знака). Иконичность состоит в том, что структура знака повторяет (в большей или меньшей степени) структуру его денотата. Напомним, что Витгенштейн писал о предложении как «образе действительности», о «модели действительности, как мы ее себе мыслим»¹⁷.

Предложение есть образ действительности, потому что я знаю представленное им положение вещей, если я понимаю данное предложение. И я понимаю предложение без того, чтобы мне был объяснен его смысл¹⁸.

Знак, посредством которого мы выражаем мысль, я называю пропозициональным знаком (*Satzzeichen*). И предложение есть пропозициональный знак в своем проективном отношении к миру¹⁹.

Предложение показывает логическую форму действительности²⁰.

С одной стороны, подход к предложению с точки зрения репрезентативности давал Витгенштейну основание для утверждения о том, что «границы моего языка означают границы моего мира». С другой стороны, иконичность предложения не понималась им как буквальное отражение факта. В пункте 3.318 «Логико-философского трактата» мы читаем: «Я понимаю предложение — подобно Фреге и Расселу — как функцию выражений, содержащихся в нем». Хотя, согласно Витгенштейну, предложение содержит образ действительности («атомарного факта»), однако этот образ (или смысл) — не то же самое, что отражаемая действительность; об этом говорят следующие фрагменты из «Трактата»:

4.022. Предложение показывает свой смысл. Предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так.

4.023. Предложение должно определять действительность до такой степени, чтобы достаточно было сказать «Да» или «Нет», для приведения его в соответствие с действительностью. Для этого действительность должна полностью описываться им. Предложение есть описание атомарного факта. Как описание объекта описывает его по его внешним свойствам, так предложение описыва-

¹⁷ Л. Витгенштейн, *ibidem*, пункт 4.01.

¹⁸ *Ibidem*, пункт 4.021.

¹⁹ *Ibidem*, пункт 3.21.

²⁰ *Ibidem*, пункт 4.121.

ет действительность по ее внутренним свойствам. Предложение конструирует мир с помощью логических строительных лесов, поэтому в предложении можно также видеть, как обстоит дело со всем логическим, когда это предложение истинно. Можно делать выводы из ложного предложения.

4.024. Понять предложение — значит знать, что имеет место, когда оно истинно. (Следовательно, можно его понимать, не зная, истинно оно или нет.) Предложение понято, если поняты его составные части.

Как видим, сам Витгенштейн не отождествлял смысла предложения и его истинностного значения, т.е. его референции, а значит, иконичность предложения относительна (не абсолютна). Эту мысль особенно подчеркивал Сеше — сторонник психологического подхода к категориям синтаксиса. Он, например, критиковал логоцентрическую точку зрения, согласно которой «субъект является по отношению к своему предикату совершенно тем же, чем главное слово является по отношению к своему дополнению»²¹. Так, с логической точки зрения в выражениях (предложениях и словосочетаниях):

- (5) Лошадь белая.
- (6) белая лошадь

имеется один и тот же тип синтаксической связи, а именно — зависимость прилагательного от существительного. Сеше, однако, считал такой взгляд заблуждением:

Трудно согласиться с тем, что связь, созданная актом коммуникации, зависит от качества, изначально внутренне присущего понятиям, взятым извне помимо участия говорящего субъекта. Гораздо естественнее было бы поменять слова местами и выводить логические свойства понятий из той роли, которую воля говорящего приписывает им в акте коммуникации. [...] В случае предложения с субъектом и предикатом над этим актом (осмысления и выражения действительности. — А. К.) доминируют практические потребности коммуникации²².

В подобном же духе и Ю. Левицкий пишет (со ссылкой на В. Виноградова) об определенной степени автономности формально-грамматической структуры предложения — по отношению к его семантической («ролевой») структуре: «Падеж — [...] не столько семантическая категория, сколько форма

²¹ А. Сеше, *ibidem*, с. 41 ссл.

²² *Ibidem*, с. 42-43.

имени, выражающая его отношение к другим словам в речи»²³. Ранее упомянутый Норман также подчеркивает, что в процессах речевой деятельности «конструкции поверхностного синтаксиса стремятся в каком-то смысле оторваться, „оторваться” от своей глубинной базы»²⁴.

Асимметрия семантической и формально-грамматической структуры проявляется на уровне словосочетания и на уровне предложения (простого и сложного). Так, ярким примером расхождения глубинных и поверхностных связей являются именные словосочетания с числительными типа *пять девочек*: с формальной точки зрения главным компонентом в конструкции управления выступает числительное (определяющее форму родительного падежа множественного числа существительного), хотя с семантической точки зрения все наоборот: числительное определяет существительное, дополняет его значение.

В простом предложении указанная выше асимметрия проявляется в том, что семантическая (пропозициональная) структура отражает референтную ситуацию, в которой, как писал С. Кароляк, отдельные партиципранты не посредственно связаны друг с другом²⁵. Это находит отражение в символическом представлении пропозициональной структуры предложения. Например, предложению

(7) Ежик ходит по тропинке

соответствует пропозициональная формула $P(x, y)$, которая показывает, что аргументы x [*ежик*] и y [*по тропинке*] называют непосредственно взаимодействующие, контактирующие предметы действительности, а предикат P [*ходит*] называет отношение между ними. Данный тип синтаксической структуры можно показать графически:

²³ Ю. А. Левицкий, *От высказывания — к предложению, от предложения — к высказыванию*, Пермь 1995, с. 67.

²⁴ Б. Ю. Норман, *Грамматика говорящего...* с. 197.

²⁵ S. Karolak, *Interpolacja, interpretacja i analiza semantyczna*, [w:] „Biuletyn PTJ” 1968, XXVI, s. 148.

²⁶ Стрелка отражает иерархию аргументов, из которых первый называет активный предмет — на нем лежит ответственность за протекание ситуации.

Формально-грамматическая структура предложения организована несколько иначе²⁷: синтаксическая связь устанавливается между глаголом и зависимыми от него существительными (именными группами).

Ежик ходит по тропинке²⁸.

Следует сделать оговорку, что вербоцентрическая структура предложения нарушается в случае так называемого диатаксиса (или ассоциативной синтаксической связи), описанной в литературе²⁹. Речь идет о конструкциях, в которых синтаксическая связь именных групп, занимающих позиции аргументов при одном и том же предикате, устанавливается без участия глагола:

(8) Готовь сани летом, а телегу зимой.

В приведенном выше предложении имеется синтаксическая связь между существительными *сани* → *летом*, *телегу* → *зимой*. Реальность этой связи была доказана психолингвистически³⁰.

В диатаксической связи находит отражение тенденция к симметризации предложения, т.е. к увеличению степени его иконичности — подобия между поверхностной и глубинной структурой предложения.

В данной статье будут рассмотрены факты более радикального нарушения гипотактического порядка, когда наблюдается смещение синтаксической иерархии «главный член — зависимый член». В следующих секциях статьи мы рассмотрим четыре типа таких явлений: 1) синтаксическую конверсию; 2) синтаксическую контаминацию; 3) синтаксическое переразложение и 4) синтаксическое опрощение.

²⁷ Я обращал внимание на различие пропозициональной и формально-грамматической структур в одной из своих предыдущих публикаций, см.: A. Kiklewicz, *Znaczenie w języku i tekście (w poszukiwaniu inwariantów semantycznych)*, [w:] *Lenguelek és magyarok Európában. Nyelv, irodalom, kultúra — parhuzamok és kapcsolatok. Tanulmányok D. Molnár István professzor tiszteletére*. Red. L. K. Nagy. Debrecen 2001, с. 41.

²⁸ В соответствии с теорией грамматики зависимостей подлежащее трактуется как зависимое от сказуемого, см.: Л. Теньер, *Основы структурного синтаксиса*, Москва 1988, с. 65 ссл.

²⁹ См.: А. Киклевич, *Притяжение языка. Т. 3. Грамматические категории, синтаксис*, Olsztyn 2009, с. 296 ссл. Здесь же приводится библиография по данной теме.

³⁰ *Ibidem*, с. 305 ссл.

Синтаксическая конверсия

Согласно общепринятому пониманию, подчинительная связь (в простом или сложном предложении)

выражается в синтаксической неравноправности соотносительных элементов: отношения между ними необратимы, показатель отношений имеется только в одном из элементов, синтаксическим зависящем от другого³¹.

В «Русской грамматике» «придаточным предложением называется та часть сложноподчиненного, которая содержит подчинительный союз или союзное местоименное слово»³². Синтаксическая зависимость в сложном предложении наиболее очевидна в тех случаях, когда придаточное предложение имплицировано семантикой глагольного сказуемого (по своей семантической функции — предиката второго порядка), как это наблюдается, например, в предложениях с глаголами ментальных и эмоциональных состояний:

- (9) Он думает, что я сплю.
- (10) Все знали, что у нее больное сердце.
- (11) Я боялась, что вы опоздаете.

Однако семантический и формально-грамматический планы предложения не всегда взаимно согласованы. Это касается, например, подтипа предложений с ориентированной анафорической связью, а именно — таких, в которых относительное слово (местоимение) семантически связано с предикативным центром главного предложения (или же с главным предложением в целом):

- (12) На постоялом дворе Фома даже не стал есть, чем удивил Доктора (С. Осипов).
- (13) Братья, похоже, в одно время запустили большие усы, что сделало их совсем неразличимыми (В. Аксенов).
- (14) От нее зависело слишком много, почему она и стала эпицентром столкновения междунациональных противоречий (В. Дегоев).

В «Русской грамматике» высказывается точка зрения, что «местоимение (в приведенных примерах *чем, что, почему*. — А. К.) ориентировано на предикативный центр главного предложения и является средством его повторного вос-

³¹ Д. Э. Розенталь / М. А. Теленкова, *Словарь-справочник лингвистических терминов*, Москва 1976, с. 292.

³² Н. Ю. Шведова (ред.), *Русская грамматика. 2. Синтаксис*, Москва 1980, с. 462.

произведения в придаточном»³³. Указывается также, что объем содержания относительного местоимения «равен объему содержания главного предложения».

Действительно, с формально-грамматической точки зрения часть предложения, включающая относительное местоимение, является зависимой. Такая трактовка находит подтверждение и с коммуникативной точки зрения, ведь вторая часть предложения, как было сказано выше, «воспроизводит» содержание первой, а значит, существует на ее фоне, занимая низшую ступень в иерархии речевой информации. Но картина зависимостей иначе выглядит при семантическом подходе к предложению. Если проанализировать смысл предложения (12), то легко убедиться в том, что с семантической точки зрения именно вторая часть является главной, обуславливающей содержание и вообще сам факт существования первой части: информация о том, что Фома не стал есть на постоялом дворе, является предметом или причиной удивления Доктора. Если представить смысловую структуру данного предложения, то окажется, что она базируется на значении глагольного предиката *удивить*. Этот предикат обладает определенными валентными свойствами: поскольку *некоторое событие удивляет некоторое лицо (вызывает состояние удивления у некоторого лица)*, то первое место при этом предикате резервируется для имени события (это может быть придаточное предложение или отглагольное существительное типа *отказ*), а второе место — для имени лица. В наиболее аналоговой, изосемичной (в терминологии Г. Золотовой) форме эта смысловая структура реализуется в сложном изъяснительном предложении:

- (15) Доктора удивило то, что Фома не стал есть даже на постоялом дворе. //
То, что Фома не стал есть даже на постоялом дворе, удивило Доктора.

Таким образом, можно констатировать, что в предложениях рассматриваемого типа (с ориентированной анафорической связью) семантическая и формально-грамматическая структуры асимметричны. Неслучайно специалист по синтаксису сложного предложения В. Мишланов высказывает сомнение относительно того, что такие предложения, как

- (16) Он пришел, чему мы очень обрадовались

относятся к разряду изъяснительных³⁴. Особенностью изъяснительных предложений, как известно, «является обязательная неполнота (структурная и смысловая) главной части, требующей поэтому восполнения своего содержа-

³³ Ibidem, с. 527.

³⁴ См.: В. М. Мишланов, *Семантика и структура сложного предложения в свете динамического синтаксиса*, Пермь 1996, с. 98. В польской лингвистике такие предложения были проанализированы А. Лоясевич, см.: А. Łojasiewicz, *Własności składniowe polskich spójników*, Warszawa 1992, с. 14 ссл.

ния»³⁵. Эта характеристика вполне уместна по отношению к предложению *Доктора удивило то...* или к предложению *чем удивил Доктора*, но никак не по отношению к предложению *На постоялом дворе Фома даже не стал есть*, которое семантически и структурно совершенно достаточно.

Здесь мы имеем дело с результатом процесса речевой деятельности, который можно квалифицировать как синтаксическую конверсию. Она состоит в том, что семантически главное предложение, в основе которого лежит (обычно выраженный глаголом) предикат высшего порядка, имплицитующий хотя бы один пропозициональный аргумент, в формально-грамматической структуре оказывается зависимым — именно в составе этой части сложного предложения находится относительное местоимение как показатель зависимости.

Нетрудно указать причину синтаксической конверсии: она вызвана коммуникативным фактором речевой деятельности. Говорящий учитывает не столько репрезентативный, логический аспект отражения ситуации в языковой конструкции, сколько иерархию передаваемой информации в релевантной системе коммуникативных координат, другими словами — ее ценностные характеристики. С этой точки зрения информация, заключенная в первом предложении (например, то, что Фома не стал есть на постоялом дворе), оказывается исходной, основной, а информация, заключенная в предложении с (семантически) ядерным предикатом, — добавленной, вторичной. Так формируется текстовая иерархия: антецедент — консеквент, при этом антецедент воплощается в предложении, выражающем пропозициональный аргумент (т.е. семантически зависимый, имплицитованный элемент), а консеквент — в предложении с главным, имплицитующим предикатом. Эту асимметрию семантического, коммуникативного и формально-грамматического планов предложения можно показать схематически.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА³⁶

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА

³⁵ Н. С. Валгина, *Современный русский язык. Синтаксис*, Москва 2003, с. 306.

³⁶ В случае семантической структуры линии показывают направление семантической импликации.

Подобное положение наблюдается и в предложениях с парентезой, во всяком случае тогда, когда вводное предложение содержит глагольный предикат со значением мыслительного или познавательного состояния/действия, речи, модальности и др. В таких случаях, как писал И. Мещанинов, «говорящее лицо выражает свое отношение ко всему основному тексту»³⁷. Хотя вводные предложения содержат дополнительное сообщение, их «инородность», как справедливо отмечает Н. Валгина, относительна, так как вводные предложения «в смысловом отношении [...] тесно и непосредственно связаны с содержанием высказывания»³⁸.

Вводные предложения связаны с основным двояко: во-первых, распространен тип конструкций без каких-либо коннекторов, например:

- (17) В городе, особенно в средней его части, есть большое число зданий, говорилось в справке генштаба, где подземная часть зданий относится по кубатуре к внешней, наземной, как 3:2 (А. Платонов).
- (18) У Юры, оказалось, нет подходящих тувель (В. Ливанов).
- (19) Команду отличает прекрасная физическая подготовка, которая, знаем, у «Спартака» дополняется изрядной долей импровизации («Советский спорт». 20 X 1985).
- (20) Тот, кто берется критиковать предложения, связанные с механизмом перехода к рынку, должен, мне думается, ответить себе на несколько прямых вопросов («Литературная газета». 28 III 1990).
- (21) У поэтов, я слышал, жизнь // Начинается после смерти (Ф. Кривин).

Во-вторых, вводные предложения могут включаться в состав основного с помощью коннекторов:

- (22) Ученье, как говорится, свет, а неученье — тьма (А. Чехов).
- (23) В те времена играли «в накидку» или, как чаще говорили, «в расшибаловку» (Ф. Искандер).
- (24) Что очень важно, Вероника использовала свои гусеницы только в общественных интересах (В. Токарева).

³⁷ И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи*, Москва 1945, с. 188.

³⁸ Н. С. Валгина, *Современный русский язык...* с. 247. Здесь следует отметить, что в русистике вводные предложения отличаются от вставных; последние имеют свободное отношение к ведущему предложению, «выражают добавочные сообщения и попутные замечания, восполняющие и разъясняющие предметный смысл предложения», см.: Е. М. Галкина-Федорук (ред.), *Современный русский язык. Синтаксис*. Москва 1957, с. 334.

Валгина пишет, что формальными средствами синтаксической связи при парентезе являются союзы и союзные слова³⁹, однако совершенно очевидно, что употребляемые в составе вводных предложений коннекторы (*что, чем, как, почему, зачем* и др.) представляют собой относительные (анафорические или катафорические) местоимения того же типа, что были рассмотрены в предложениях (12), (13) и (14). Подтверждением этого является возможность замены вопросительных (по своей основной функции) местоимений (в позиции коннектора) указательным местоимением:

- (25) Ученье — так у нас говорится — свет, а неученье — тьма.
- (26) В те времена играли «в накидку» или — так чаще говорили — «в расшибаловку».
- (27) Вероника — это очень важно — использовала свои гусеницы в общественных интересах.

Вводное предложение может быть связано с ведущим с помощью уступительных союзов *хоть, хотя, пусть, пускай* — это наблюдается, когда, как пишется в «Русской грамматике», «предметом уступительной квалификации» оказывается «тот или иной элемент главной части»⁴⁰. Это означает, что один и тот же смысл может быть выражен как минимум в трех формах: в форме сложноподчиненного изъяснительного, в форме парентетического и в форме сложноподчиненного уступительного предложения:

- (28) Вообще господин Белуга не очень представлял, как надо действовать в борьбе с ураганом.
- (29) Вообще господин Белуга был готов на самые решительные действия в борьбе с ураганом (какие именно — он не очень представлял).
- (30) Вообще господин Белуга был готов на самые решительные действия в борьбе с ураганом, хоть и не очень представлял, какие именно (А. Дорофеев).

Сходство парентезы и предложений с анафорической связью касается и их семантики. М. Гроховский пишет, что по крайней мере для определенного корпуса парентетических конструкций справедливо утверждение, что они, во-первых, являются семантически неполными, во-вторых, имплицитуют (в

³⁹ Н. С. Валгина, *Современный русский язык...* с. 250.

⁴⁰ Н. Ю. Шведова, *Русская грамматика...* с. 587.

каком-то смысле подчиняют себе) основное предложение⁴¹. Еще раньше (в 1977 году) об этом писал русский языковед И. Вардуль:

Для таких вводных, как *мне кажется* (имеется в виду предложение: *Мне кажется, он застенчив.* — А. К.), характерно то, что их факты-дезигнаты имеют в качестве одного из своих актантов факт-дезигнат, обозначенный несущим предложением (акция <кажется> требует двух актантов: <мне> и то, что «мне кажется», — <он застенчив>). Поэтому сочленения с таким вводным поддаются трансформации в сложное предложение, при котором несущее становится придаточным: *Мне кажется он застенчив* → *Мне кажется, что он застенчив*; *Ты, я слышал, заболел* → *Я слышал, что ты заболел*⁴².

Расчленение предложения с вводной конструкцией не всегда представляется очевидным. На это указывал Вардуль, который ввел понятие глобальных предложений, т.е. обладающих «неопределенной структурой»⁴³. Такого рода образования особенно часто встречаются в разговорной речи. Проанализируем один из таких примеров:

- (31) — Уже два часа?
— А сколько ты думал?

Вторая реплика интересна тем, что формально в ней отсутствуют показатели полипредикативности, но с семантической точки зрения она содержит две пропозициональные части, при этом их иерархия прямо противоположна иерархии коммуникативной: первый член (вопросительное местоимение *сколько*) представляет пропозициональный аргумент, а вторая часть (*ты думал*) — ядерную пропозицию. Дискретную, изосемичную форму данного сообщения можно передать так:

- (32) Как думал ты, сколько теперь (на часах)?

Если проанализировать вводные предложения (21) и (24), то нетрудно заметить, что они могут быть преобразованы в сложные изъяснительные (с подчинительным союзом *что*) — это дает возможность представить своего рода микропарадигму предложений с предикатом высшего порядка, ср.:

⁴¹ М. Grochowski, *Składnia wyrażeń polipredykatywnych*, [w:] Z. Topolińska (red.), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, Warszawa 1984, с. 249.

⁴² И. Ф. Вардуль, *Основы описательной лингвистики*, Москва 1977, с. 277.

⁴³ Ibidem, с. 275.

- (33) У поэтов, я слышал, жизнь начинается после смерти.
 У поэтов, как я слышал, жизнь начинается после смерти.
 Я слышал, что у поэтов жизнь начинается после смерти.
- (34) Что очень важно, Вероника использовала гусеницы в общественных интересах.
 Вероника — это очень важно — использовала гусеницы в общественных интересах.
 Очень важно то, что Вероника использовала гусеницы в общественных интересах⁴⁴.

Кроме выделенных здесь трех основных типов конструкций с предикатом высшего порядка имеется еще четвертый — особый, представляющий собой результат синтаксической контаминации. Этот четвертый тип, а также процессы переразложения и опрощения в синтаксисе будут рассмотрены в следующей части статьи.

SUMMARY

Syntactic Processes in the Complex Sentence Structure

The author presents the problem of dynamic linguistics, which deals with the processes of verbal activity, i.e. generating of speech units (especially sentence) based on patterns (invariants), which are encoded in the language system. The author shows the relative (not absolute) compatibility of the formal-grammatical and semantic structure of sentences, and some of the processes occurring in the speech is treated as a quest for ever-increasing degree of the symmetry between the formal and semantic sentences structure. Four syntactic derivation processes are considered in the following chapters: conversion, contamination (integration), transposition and simplification (merging). The author shows that the cause of these processes is in most cases the priority of communication and pragmatic factor of the organization / construction of sentence and text.

⁴⁴ Подобные преобразования не всегда в одинаковой степени возможны и соответствуют языковой норме. Замена парентетического выражения на главное в составе сложного изъяснительного невозможно, например, в вопросительных предложениях разговорной речи ср.: *С кем играли, ты говоришь?* — **С кем играли, как ты говоришь?* **Ты говоришь, что с кем играли?*